

**В. Г.
АВСЕЕНКО**

Василий Григорьевич Авсеенко

Гувернантка (Петербургские очерки #7)

«Илья Петровичъ, переодѣтый съ ногъ до головы, расчесанный и слегка вспрыснутый духами, вошелъ въ спальную жены.

Вѣра Андреевна стояла передъ зеркальною дверцей шифоньерки и прищипливала брошь къ блѣдно-лиловому бархатному корсажу. Горничная ползала на коленяхъ по ковру, оправляла на ней складки юбки. У шифоньерки, лицомъ къ Вѣрѣ Андреевнѣ, стояла гувернантка, Ольга Ивановна, и осматривала ее съ ногъ до головы, улыбаясь тонкими губами. Но выраженіе ея глазъ, сухое и сосредоточенное, противорѣчило этой улыбкѣ...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

**Василий Григорьевич
Авсеенко
Гувернантка**

Илья Петровичъ, переодѣтый съ ногъ до головы, расчесанный и слегка вспрыснутый духами, вошелъ въ спальную жены.

Вѣра Андреевна стояла передъ зеркальною дверцей шифоньерки и прищипливала брошь къ блѣдно-лиловому бархатному корсажу. Горничная ползала на коленяхъ по ковру, оправляла на ней складки юбки. У шифоньерки, лицомъ къ Вѣрѣ Андреевнѣ, стояла гувернантка, Ольга Ивановна, и осматривала ее съ ногъ до головы, улыбаясь тонкими губами. Но выраженіе ея глазъ, сухое и сосредоточенное, противорѣчило этой улыбкѣ.

– Готова? Пора уже, – сказалъ мужъ.

– Я сейчасъ, – отвѣтила Вѣра Андреевна, – Душечка, Ольга Ивановна, не морщитъ у меня на правомъ боку?

Ольга Ивановна обошла ее сзади. При этомъ она бросила взглядъ на лежавшія на столикѣ длинныя желтыя перчатки, изъ подъ которыхъ виднѣлся крошечный уголокъ голубаго конвертика.

Эти перчатки и этотъ конвертикъ неотступно привлекали ея вниманіе. Когда она вошла сюда полчаса назадъ, чтобъ присутство-

вать по обыкновению при туалетѣ хозяйки дома, ей показалось, что Вѣра Андреевна нарочно бросила перчатки, желая прикрыть ими только что поданное ей передъ тѣмъ письмо. Но сейчасъ надо будетъ надѣть эти перчатки. Мужъ, кажется, вошелъ совсѣмъ не кстати.

Корсажъ сильно морщилъ подъ рукавомъ. «И отлично, пусть всѣ замѣтятъ въ театрѣ», – подумала Ольга Ивановна.

– Нѣтъ, ничего, очень хорошо сидитъ, – сказала она громко.

Вѣра Андреевна придвинулась ближе къ зеркалу, провела пуховкой по кончику носа, который у нея блестѣлъ немножко, пригладила пальцемъ брови, и бросивъ быстрый взглядъ на гувернантку, стала передъ столикомъ, заслонивъ его собою, нагнулась и потомъ медленно обернулась, держа въ рукѣ перчатки. Глаза Ольги Ивановны жадно обратились къ столику. Голубаго конвертика не было.

«Когда она успѣла схватить его?» – подумала она съ тайной досадой.

И она оглянулась на Илью Петровича, чтобы убѣдиться, не замѣтилъ-ли онъ чего-ни-

будь. Но Илья Петровичъ смотрѣлъ только на нее, немножко робко, но не настолько, чтобъ она не прочла, что онъ любитъ ее. Этотъ любующійся взглядъ его очень недурныхъ карихъ глазъ она привыкла встрѣчать уже въ теченіе цѣлаго мѣсяца, съ перваго дня ея поступленія въ домъ.

Вѣра Андреевна натянула одну перчатку и принялась за другую.

– Сейчасъ ѣдемъ. Не знаю, впрочемъ, почему мы должны торопиться. Я не люблю входить въ ложу раньше Марьи Александровны.

– Не все-ли равно! – пожалъ плечами Илья Петровичъ.

Ольга Ивановна чуть-чуть улыбнулась и потупилась.

– Ну, душечка, – обратилась къ ней Вѣра Андреевна, – прикажите напоить дѣтей чаемъ, и не позволяйте имъ долго возиться. Завтра въ классы. До свиданья.

Мужъ и жена вышли въ переднюю. Туда же вбѣжали дѣти, мальчикъ и дѣвочка, десяти и девяти лѣтъ.

– Тише, тише, не сомните мнѣ платье, – встревожилась Вѣра Андреевна, выставляя

впередъ руки и вытягивая шею, чтобы поцѣловать ихъ на нѣкоторомъ разстояніи. – Ведите себя пайньками. Уроки всѣ пригото-вили?

– Всѣ, мама! – крикнули въ одинъ голосъ братъ и сестра.

Илья Петровичъ тоже поцѣловаль ихъ, и даже перекрестилъ короткимъ и быстрымъ движеніемъ руки.

Горничная ловко насунула калоши на туфли барыни, приняла строгій видъ, подавая пальто барину, и захлопнула за ними дверь.

Дѣти побѣжали въ столовую. Ольга Ивановна присѣла на стулъ и остановила горничную вопросомъ:

– Вы сейчасъ будете самоваръ подавать?

– Готовъ уже, сейчасъ подамъ. Барыня задержала съ своимъ одѣваньемъ.

– Лифъ-то скверно сшить, – промолвила гувернантка.

– Не хорошо?

– Развѣ не видѣли, какъ морщитъ съ боку-въ? Я ужъ ничего не сказала, потому что скажи только, вы съ ней часъ промучились бы. Переодѣваться захотѣла бы, да потомъ съ эти-

мъ лифомъ пять разъ гоняла-бы васъ къ порт-
нихъ.

– Въра Андреевна капризна на счетъ туале-
товъ.

– Нравиться хочетъ, кокетничаетъ, –
усмѣхнулась своими тонкими губами Ольга
Ивановна. – За то ей все записочки носятъ. И
все черезъ ваши руки, по черной лѣстницѣ.

Горничная посмотрѣла на гувернантку и
промолчала: она была себѣ на умѣ.

– Ну, несите намъ самоваръ, – сказала
Ольга Ивановна съ нѣкоторымъ
разочарованіемъ. Она наскоро напоила дѣтей
чаемъ и ушла къ себѣ, предупредивъ, что че-
резъ полчаса позоветъ ихъ спать.

Коля, одѣтый въ форменную блузу съ ко-
жанымъ поясомъ, поставилъ локоть на столъ
и положилъ голову на руку. Потомъ средни-
мъ пальцемъ другой руки щелкнулъ по ко-
рочкѣ хлѣба, лежавшей на скатерти, и по-
палъ ею Лелѣ прямо въ носъ.

– Мальчишка! – крикнула та съ досадой.

– А ты дѣвчонка! – отвѣтилъ тотъ. Но они
не хотѣли развозиться, боясь чтобы ихъ не
уложили раньше спать.

– Ты уроки приготовила? – спросилъ съ внезапной серьезностью Коля.

– Конечно, приготовила.

– А табличку умноженія знаешь?

– Тебѣ что за дѣло?

– Скажи: восемью девять?

– Не стану я говорить.

И дѣвочка зажала губы, отчего покраснѣвшія щеки ея забавно растопырились.

– Потому что не знаешь.

Горничная вошла убирать со стола.

– Наташа, вы меня въ семь часовъ завтра разбудите, – распорядился Коля.

– И меня! – подхватила Леля.

– А тебѣ зачѣмъ? У тебя въ девять часовъ уроки начинаются.

– Все равно, я хочу повторить. Ахъ, слушай, Коля: къ намъ учитель чистописанія въ черномъ фракѣ приходитъ. У васъ есть какой-нибудь учитель въ черномъ фракѣ?

– Какія ты глупости говоришь: учителя всегда синій фракъ носятъ.

– А почему?

– Потому что такъ они должны.

– А вотъ, не всѣ должны. Учитель танцевъ тоже въ черномъ фракѣ ходитъ. И еще знаешь что: у него черные шелковые чулки надѣты, и башмаки, такіе лакированные... Отчего это?

– Ему такъ надо. Онъ долженъ быть такъ одѣтъ, какъ на балъ ѣздить.

– А развѣ на балъ мужчины въ башмакахъ ѣздить?

Коля подумалъ и отвѣтилъ:

– Разумѣется, а то какъ же? Ты еще ничего не знаешь.

– И папа на балъ тоже башмаки надѣваетъ? Вопросъ показался Колѣ щекотливѣе всѣхъ предыдущихъ. Онъ отвѣтилъ только послѣ продолжительнаго размышленія:

– Какая ты глупая: вѣдь папа прежде военный былъ.

Леля тоже облокотилась на столъ и положила голову на руку.

– А теперь папа и мама въ театръ поѣхали? – спросила она.

– Да. Въ балетъ. Папа любитъ балетъ.

– А мама не любитъ. Она оперу любитъ. А

когда они въ балетѣ бывають, то всегда сердятся потомъ. Ты знаешь... хочешь, я тебѣ секретъ скажу?

– Какой?

– А ты никому не будешь говорить? Дай честное слово!

– Ну, честное слово.

– Такъ вотъ что, слушай: мама ревнуетъ папу.

– Кто тебѣ сказалъ?

– Ольга Ивановна. Только никому не говори, а то мама ей откажетъ отъ мѣста. Мама ко всѣмъ папу ревнуетъ, и къ Ольгѣ Ивановнѣ тоже. А папа маму не ревнуетъ, потому что не любитъ ее.

– Почему ты знаешь?..

– О, я много, много знаю... И дѣвочка замолчала, лежа на рукѣ, съ широко-раскрытыми глазами, которыми она какъ будто всматривалась во что-то.

* * *

Ольга Ивановна, напоивъ дѣтей чаемъ, вынула изъ коммода желтенькій томикъ Марселя Прево, который ей далъ вчера Илья Петровичъ, и который она прятала отъ Вѣры Андре-

евны. Но прочитавъ нѣсколько страницъ, она закрыла книжку и задумалась. Ея собственныя обстоятельства занимали ее больше, чѣмъ вымыселъ автора.

Она въ первый разъ жила въ «гувернанткахъ». Пришлось поневолю: отецъ, маленькій чиновникъ, долженъ былъ съѣхать съ прежней квартиры, потому что надбавили триста рублей. Новую квартиру взяли во второмъ дворѣ, неудобную, грязную и такую тѣсную, что для нея не было комнаты. А ей и безъ того опротивѣли бѣдность и скука. Лучше ужъ идти въ чужую семью, покориться, жить объѣдками чужой роскоши, и по крайней мѣрѣ знать, что живешь съ чужими, всѣ отношенія къ которымъ исчерпываются борьбою за существованіе. И еще кто знаетъ, выиграетъ или проиграетъ она въ этой борьбѣ...

Вѣрѣ Андреевнѣ Ольга Ивановна сразу понравилась, внушила довѣріе. Еще немножко, и навѣрное начнутся разныя откровенности. Мужъ и жена только показываютъ видъ, что живутъ дружно – для «комильфотности» – а на самомъ дѣлѣ давно уже надоѣли другъ дру-

гу. У Ильи Петровича глаза разгораются на каждую хорошенькую женщину. Онъ и на нее смотритъ такъ выразительно, что не сегодня-завтра произойдетъ объясненіе. Но она не дура, поиграть съ собою не позволитъ. Между ними завяжется серьезная схватка, и тогда... мало-ли что тогда можетъ выйти. Она живетъ въ домѣ, среди семьи, можетъ выбирать моменты и средства. На этой позиціи она чувствуетъ себя твердо. Вѣра Андреевна, конечно, будетъ потомъ подъ нее подкапываться; но она уже овладѣла кое-какими ея секретами. Ея отношенія къ Норцову безусловно подозрительны. Они видятся, за это можно поручиться. Письма въ голубенькихъ конвертахъ непременно отъ него. Ольга Ивановна встала и прошла въ столовую. — Дѣти, пора спать, — сказала она.

Сдавъ ихъ горничной, Ольга Ивановна подождала, пока всякій шорохъ затихъ въ домѣ, взяла коробочку со спичками, и неслышно прошла въ спальную хозяйки. Тамъ она заглянула одну изъ свѣчей въ шифоньеркѣ, и оглянулась. Она часто сюда заходила, когда никого не было дома, осматривала ящики, если

Вѣра Андреевна забывала въ нихъ ключи, прочитывала письма. Существеннаго она ничего до сихъ поръ не нашла, но подозрѣнія ея были сильно возбуждены. При терпѣннн и осторожности, можно было бы напасть на слѣдъ.

И вдругъ Ольга Ивановна вспомнила про кончикъ голубого конвертика, торчавшій изъ подъ перчатокъ. По всей вѣроятности, Вѣра Андреевна успѣла засунуть письмецо подъ кушакъ. Но все-таки надо поискать.

На столикѣ лежала приходорасходная книжка по кухнѣ, а подъ нею кружокъ изъ подъ лампы, которую перенесли на каминъ. Ольга Ивановна взяла книжку и перелистовала ее; потомъ приподняла кружокъ – и вся даже вздрогнула отъ радости: голубой конвертикъ былъ тутъ.

Она быстро схватила его, вынула оттуда листокъ такого же голубенькаго картона, и пробѣжала глазами нѣсколько строчекъ.

Краска яркими пятнами выступила на ея лицѣ, потомъ также быстро пропала, смѣнившись зеленоватою блѣдностью. Въ письмецѣ стояли слѣдующія строки, набро-

санныя женской рукой:

«Милая Вѣра Андреевна, тороплюсь предупредить васъ относительно вашей гувернантки. Я случайно узнала, что это очень скверная особа, хитрая и безнравственная. Она, живя у родителей, уже имѣла романы. Откажите ей поскорѣй. Ваша М.».

Ольга Ивановна положила пакетикъ обратно подъ кружокъ, потушила свѣчку, и неслышно прошла въ свою комнату. Узкія губы ея были сжаты, и глаза глядѣли сухо и злобно...